

2207

ЮМОР, САТИРА

За свою короткую жизнь Я. Гашек успел написать очень много — в Чехословакии издано пятнадцатитомное собрание его сочинений. В своих произведениях он разоблачал лживость догматов буржуазного государства, потешался над спесью, жульничеством, хитростью. Сегодня администрация «Клуба ДС» предлагает читателям два рассказа знаменитого писателя, впервые переведенные на русский язык.

Это произошло душным летним днем 1902 года. Мой приятель Гаек объявил, что на Страгову у него есть дядюшка, декан*. А у дядюшки есть деньги. Гаек напишет ему жалобное письмо, я это письмо вручу и получу за него от дяди пятьдесят крон. Вот это письмо: «Дражайший дядюшка! Осмеливаюсь обратиться к Вам с искренней мольбой, чтобы Вы жалелись над своим больным племянником Ладиславом, который посылает к Вам своего друга, которому уже задолжал 12,70 крон за лекарства, за которые тот заплатил из своего кармана, ибо знает, сколь тяжелы мои семейные дела. Одновременно испрашиваю у Вас как у священнослужителя благословение и остаюсь Вашим»

преданным племянником. Ладислав. Это письмо мы соорудили в том самом трактире, куда явился без единого крестца в кармане, ибо прямо перед нашими глазами лежала богатая страговская канония. Мы отлично развлекались, пили, ели, играли в кегли, курили, а в половине четвертого я отправился на

который захворал и лежит больной, и что я должен передать это письмо его преподобию господину декану. Его преподобие распечатал письмо, прочел и, ласково сказав: «Подождите, пожалуйста!» — вышел в соседнюю комнату. Вскоре он возвратился с запечатанным конвертом, в котором я нащупал бумажку.

сказал его преподобие пан декан, и я, прейсполненный благодарности, поцеловав его руку, весело возвратился в трактир под аркой.

«Несешь?» — крикнул Гаек.

В ПЛЕНУ У КАРФАГЕНЯН

ОНИ БЫЛИ чрезвычайно горды тем, что текутся о рождественских подарках для нищих детей. Впрочем, это им ничего не стоило, ибо сами они не давали ни геллера.

Посетители ресторации при пивоварне наверняка помнят тот длинный стол, где с самого полудня красовалась табличка с надписью «Занято». Помнят также, что позже вокруг этого стола сидели важные господа, которые пили пиво из кружек с личной меткой.

Когда зал наполнялся гостями, один из этой компании поднимался, брал в руки жестяную кассу с надписью «На одежду для бедных деток школьного возраста» и обходил с нею столы.

Обойдя всех, он с победоносным видом возвращался к своему благотворительному обществу и, позвякивая мелочью, объявлял, что в кассе

ренесли на другой стол, где ему досталось местечко на самом уголке. По этой причине пан Грубер, когда один из его новых врагов явился со своей кассой за пожертвованиями, не только ничего не дал, но и позволил себе реплику, которая мгновенно облетела весь стол. Он сказал, обращаясь к соседу, что денежки наверняка выйдут детискам боком.

В тот же вечер он рассказал случай, когда председатель такого же благотворительного общества купил к рождеству на пожертвования своей жене шубку, а на то, что осталось, одному бедному ребенку пару напульсников.

«Я, между прочим, им тоже не верю, — поддерживала его дама, муж которой сидел возле пана Грубера.

Все это тут же стало известно и за другими столами, и господин от «благотворительного стола»,

ПОСЛЕ пресловутой великой моральной победы у Банзетов наши рассредоточенные, разбитые наголову ряды подтянулись к самому верху, на площадь Гавличка. Я хромал, под глазом светил фонарь, а щетки мои, как говорит Гёте, не предавали ничего доброго. Они распухли. И вот, пока мы стояли и рассуждали о нашей великой моральной победе, мимо мелькнул молодой человек, он хлопнул меня

по плечу и воскликнул: «Ба, да ты стал просто великолепен с тех пор, как мы не выдalisь!» Это был мой приятель Ладислав Гаек-Домажлицкий, которого я не видел вот уже два года и который был мне симпатичен с того самого момента, когда на предал меня на Градчанах в трактире над аркой.

У меня есть желание коротенько рассказать о прекрасных проявлениях его дружбы.

Страгов к этому канонику-филантропу, дяде моего приятеля Гаека. Когда я пришел туда, мне сказали, что его преподобие декан Гаек находится на богослужении и вернется через час. Я возвратился в трактир.

Мы заказали вина, и около половины пятого я снова отправился в страговскую канонию. Его преподобие филантропа-декана Гаека я нашел в его кабинете, он молился по breviарию и пил пиво. Я сообщил, что меня посылает его племянник Ладислав Гаек из Домажлиц,

«Даст бог, — мягко сказал его преподобие господин декан, — мой племянник вскоре поправится. Ему очень скверно?»

«Лежит пластом, ваше преподобие, — отвечал я, радостно ощупывая в кармане конверт с бумажкой.

«Насколько я понимаю, вы чрезвычайно порядочный молодой человек, — продолжал декан. — Как ваше имя?»

«Ярослав Гашек, ваше преподобие!» — ответил я.

«Благодарю вас, —

«Несешь?» — крикнул Гаек. Мы вскрыли конверт. В нем оказалась записка такого содержания: «Негодник! Я видел, как вы входили в трактир «У Карла IV». Когда я направлялся на богослужение, вы все еще сидели там! Стыдитесь!»

Итак, мы торчали в трактире «У Карла IV» в плену у хозяина, в чуждой нам атмосфере, вдали от друзей и составлялись в благородстве — каждый из нас предлагал сбегать в город и вернуться с деньгами, чтобы заплатить по счету.

Около шести часов вечера мы решили тянуть сличку. Нужную вытаскил Гаек, поблдевав, он воскликнул, что отворотится в Прагу и возвратится обратно.

И только в десять часов, когда от безысходного отчаяния я удавил обидный счет, вдруг объявился Гаек и заявил: «Можешь убить меня! Мой дядя ссудил мне шесть крон, я заскочил в трактир, где играли в карты, мне захотелось увеличить наш капитал, но я проигрался в пух и прах, и теперь у меня нет ни крестца!»

Древнеримский герой Регул добровольно возвратился из Рима в плен к карфагенянам, чтобы быть замученным... Рассказы Я. Гашека перевела с чешского Вера ПЕТРОВА

ОДЕЖДА ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТКО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

прибавляется. А также сетовал, что за тем вон круглым столом некий господин заявил, будто у него нет мелких, а то время как за другим посмели сказать, что ничего не дадут, потому что и без того одевают-обувают двух неродных детей.

Затем благотворители заводили спокойную беседу на вольные темы. Каждый из них выпивал ежедневно десять кружек пльзенского, по 28 геллеров кружка, что составляло 2,8 кроны на брата.

В один прекрасный день в ресторацию зашел некий господин, но свободных столов не оказалось. Тогда вышуканный господин уселся за стол с табличкой «Занято».

Подсел старший официант и предупредил посетителя, что стол резервирован.

Посетитель, однако, ответил, что ему нет до этого дела, ибо за столом нет никого, кому бы он мог помешать. Он сидел себе спокойно, но явившееся, наконец, благотворительное общество, одевающее бедных деток школьного возраста, отнеслось к нему чрезвычайно недружелюбно. Однако помалкивало, пока не пришел Норачек, их председатель, и не обратился к чужаку со словами:

— Извините, разве вы не обратили внимания, что стол зарезервирован?

— Обратил.

— Извините, разве вам не известно, как вы должны поступить?

— Нет, не известно.

— Официант, — распорядился пан Норачек, — отнесите пиво этого господина на какой-нибудь другой стол.

Так началась вражда между паном Грубером и благотворительным столом, одевающим бедных деток школьного возраста. Пиво пана Грубера пе-

кому выпала очередь идти за пожертвованиями, столкнулся с полным непониманием, вернувшись на место, сообщил: двадцать человек ответили ему, будто у них нет мелочи, а трое, в том числе тот пьянчуга (понимай — пан Грубер), заявили, что помогают иным образом и значительно лучше.

Пан Норачек громко, так, чтобы слышал пан Грубер, заметил, что такой скупердяй и выпивоха наверняка тратит всю мелочь на водку с ромом.

— Эй, вы, — крикнул ему через весь зал пан Грубер, — скажите-ка лучше, а вы-то сами сколько дали?

И тут весьма некстати вмешался один из благотворителей, пан Бакуле, который визгливо завопил:

— Слушайте, вы! С какой стати мы будем класть, если мы собираем! Хватит того, что мы проявляем заботу и выпрашиваем!

Седой господин у соседнего стола закашлялся и многозначительно сказал:

— Решили дешево отделаться.

Вокруг захохотали, и это рассердило председателя Норачека настолько, что он вытаскил из кармана купюру достоинством в десять крон и демонстративно сунул в кассу со словами:

— Даю пять золотых, — и победоносно глянул на пана Грубера, который громко крикнул:

— Знаем, знаем, пять дадут, а десять возьмут!

Председатель «благотворительного стола» дрожит от негодования, потому что это подлость.

Тут встал молодой человек с длинными волосами и в пенсне и твердым голосом произнес:

— Я считаю своим долгом сказать вам следующее: вы ничего не делаете для бедных школьни-

ков, потому что мы кладем в кассу денежки, а вы устраиваете свои делишки.

— Мальчишка! Негодяй! Я тебе покажу! — заорал взбешенный председатель.

А пан Грубер в это время снова овладел ситуацией:

— Молодой господин прав! Я знаю, как это делается.

— Официант, получите, — крикнули за «благотворительным столом», и общество двинулось прочь, унося с собой кассу.

После ухода благотворителей все сошлись на том, что, будь их совесть чиста, они бы так трусливо не ретировались.

А в это время «благотворительный стол» уже сидел в погребе «У Трафнероз». Все молчали.

Некогда они собрались именно здесь в качестве учредителей «благотворительного общества помощи деткам школьного возраста».

Учреждая, они выпили двадцать литров вина и съели трех омаров. Захмелев, как и положено добрым мещанам, вкусившим алкоголя, они отнеслись к акции благотворительности чрезвычайно серьезно. Мысль, что они станут собирать деньги, была столь приятной, что после даматинского они велели подать огненное вино марсала, вдруг представив себе, как холодно в нетопленных подвалах и как зябнут ножки несчастных нищих маленьких сограждан.

То были блаженные времена. Сейчас «благотворительный стол» обдумывал в тихом погребе свою дальнейшую общественную деятельность и грустил.

Девять месяцев они собирали пожертвования для бедных школьников в уютной ресторации, а теперь их труды пошли прахом.

Председатель вздохнул, окинул всех взглядом и обратился к кассиру:

— Франц, открой кассу и верни мне пятерку, которую я бросил из-за тех негодяев!

А пан Маржик, соучастник «благотворительного стола», возвращаясь из уборной, наткнулся на лестнице на босоногого мальчишку, пытавшегося проникнуть в погребок, чтобы продать спички.

Он наградил мальчишку подзатыльником и, столкнувшись со ступенем, остервенело заорал:

— Пошел прочь отсюда, негодник, не то позову полицейского!

КЛУБ 1 2 СТУЛЬЕВ

